

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 97–108.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 4 (81):97–108.

Научная статья
УДК 821.111(73)-1.09"18"
DOI 10.37724/RSU.2023.81.4.010

Америка как бытийная субстанция в творчестве Уолта Уитмена (на материале поэм *Song of Myself* и *Starting from Paumanok*)

Евгения Владимировна Погадаева

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия
motus.animi.continuus13@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа «американского» в поэзии Уолта Уитмена на примере двух его программных произведений — *Song of Myself* и *Starting from Paumanok*. Анализируемые в работе центральные темы, проблемы, мотивы и образы поэм пронизывают всю поэзию Уитмена и неразрывно связываются с «американским». Актуальность исследования обусловлена значением Уолта Уитмена для мировой литературы, а также недостаточной изученностью «американского» в его творчестве. Целью статьи является выявление мировоззренческих, онтологических основ «американского» в поэзии Уитмена. В работе делается вывод о том, что в творчестве поэта сливаются образы Америки реальной и Америки идеальной, мифологической, надъисторической, Америки-бытийной субстанции, которая в лирике доминирует. Именно Америку Уитмен, поэт-космовидец, помещает в центр своего синкретичного, развивающегося, находящегося в вечном движении универсума. Выходя на высокий уровень обобщения, Уитмен превращает Америку в модель Нового Мира, а американец становится у него Новым Человеком, Гражданином Нового Мира. Образ американца, как и образ Америки, в поэзии Уитмена становящийся, подвижный. Американцы предстают лучшей и лидирующей нацией гордых, творческих, свободных, независимых людей, победителей, пионеров, осваивающих новые земли, идущих вперед и всегда добивающихся успеха. Центральной для Уитмена также является проблема ощущения себя американцем и поэтом: истинный американец, по Уитмену, — поэт, творящий Новый Мир, в котором все едино и слитно: и человек, и природа, и космос.

Ключевые слова: «американское», космизм, Новый Мир, Новый Человек, онтологические основы «американского», пионеры, Уолт Уитмен, *Song of Myself*, *Starting from Paumanok*.

Для цитирования: Погадаева Е. В. Америка как бытийная субстанция в творчестве Уолта Уитмена (на материале поэм *Song of Myself* и *Starting from Paumanok*) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 97–108. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.010.

Original article

America as ontological substance in work of Walt Whitman (based on the poems *Song of Myself* and *Starting from Paumanok*)

Evgeniia V. Pogadaeva

Perm State University, Perm, Russia
motus.animi.continuus13@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of Americanness in Walt Whitman's poetry. Two Whitman's program-poems, *Song of Myself* and *Starting from Paumanok*, are analysed. The major themes, problems, motives, images of poet's work are seen in these poems and have a direct connection to his understanding of Americanness. The relevance of the study is due to the importance of Walt Whitman in world literature and the insufficiently studied phenomenon of Americanness in his works. The aim of the article is to

define ideological, ontological foundations of Americanness in Whitman's poetry. It is concluded that Whitman merges two images of America created by himself, a real and ideal, or mythological, suprahistorical, ontological America, where the latter dominates. The poet places America at the center of his syncretic poetic universe which is in constant flux and amelioration. Generalizing this complex image of America, Whitman creates a model of a New World from it and a Citizen of this world, a New Man, an American. The image of Americans is in a continuous process of change and formation. Although Whitman gives the characteristics that define Americans: Americans are the best and leading nation in the world, they are creative, proud, independent, free, they are winners and pioneers, opening new lands, going forward and always succeeding in everything they do. Moreover, the main problem in Whitman's work is identification of himself as an American and a poet. The real American, as Whitman states in his poetry, is a poet constructing the New World where everything, a man, the nature and the Universe, works as a whole.

Keywords: Americanness, cosmism, New World, New Man, ontology of Americanness, pioneers, Walt Whitman, *Song of Myself*, *Starting from Paumanok*.

For citation: Pogadaeva E. V. America as ontological substance in work of Walt Whitman (based on the poems *Song of Myself* and *Starting from Paumanok*). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 4 (81):97–108. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.010.

Введение

Творческий путь Уолта Уитмена (Walt Whitman, 1819–1892) начинается во второй половине XIX века, в кризисное для США время. В этот период в стране, недавно возникшей и получившей независимость от Англии, обозначились буржуазные противоречия, обострилась антирабовладельческая борьба, которая вылилась в Гражданскую войну, закончившуюся установлением американской демократии. Тогда же осваивался Запад североамериканского континента, стремительно развивались экономика, техника, промышленность, и США превращались в мощное индустриальное государство. Технический прогресс приводил в восторг и вызывал преклонение перед возможностями человеческого разума и человеческих рук.

Творчество Уитмена, действительно, неотделимо от истории его страны. В его произведениях отразились противоречия национального сознания американцев того времени: неприятие капиталистического хищнического строя, социального неравенства и рабства и одновременно вера в прогресс, демократию, «американскую мечту».

Предметом нашего исследования является «американское» в творчестве Уитмена. К этой теме обращаются как отечественные, так и зарубежные специалисты в творчестве Уитмена. Так, М. О. Мендельсон [Мендельсон, 1954] рассматривает «американское», скорее, в общественно-политическом ракурсе и обращается к поэту в первую очередь как к революционеру и демократу, голосу американского простого люда, отмечая при этом склонность поэта к идеализации Америки. Т. Д. Венедиктова [Венедиктова, 1982] также уделяет много внимания демократическим установкам Уитмена и роли образа народа в его поэзии, понимая его как «естественную демократическую стихию» [Там же, с. 19].

Среди последних работ российских исследователей можно выделить диссертацию И. В. Никитиной «Мифопоэтика “Листьев травы” Уитмена». Исследователь указывает, что поэт строит идеальную Америку, соединяя два архетипа — «Град на холме» и «Спаситель», олицетворяющие соответственно Америку и Уитмена [Никитина, 2013]. Другой ученый, А. Л. Логинов, посвящает диссертацию «американской мечте» и определяет заложенные в концепте “the American dream” идеи, проявляющиеся и в творчестве Уитмена, среди которых — вера в лучшее будущее, в исключительность американского народа, в нового человека — Нового Адама, «человека мира», с которым Уитмен олицетворяет себя [Логинов, 2013].

Что касается зарубежной критики, среди многочисленных исследований выделяется, например, работа Р.-В. Чейса *Walt Whitman Reconsidered*, который называет «Песню о себе» комической поэмой (“comic drama of the self”), а ее лирического героя — настоящим американцем, изменчивым и до конца не сформированным [Chase, 1955]. Другой ученый, Дж.-Э. Миллер, в работе «Американский эпос» [Miller, 1966] отмечает, что Уитмен в «Листьях травы» построил архетип человека Нового Мира — личности одновременно и отдельной, и соединенной с народом, участвующей в войне, которая решает судьбу Нового Мира, идеальной Америки. Р.-У.-Б. Льюис

также полагает, что в «Листьях травы» представлен новый Адам, человек, начинающий «с чистого листа» в Новом Мире, в Америке. Обращаясь к архетипу Адама, считает Льюис, Уитмен видоизменяет его, наделяя качествами американца [Lewis, 1955].

Таким образом, ученые сходятся во мнении, что в «Листьях травы» Уитмен создает модель Нового Мира, Америки, и Нового Человека, нового Гражданина мира. Несмотря на то, что ученые обращаются к мировоззренческим и онтологическим основам «американского» в творчестве Уитмена, эти основы, как правило, не ставятся в центр исследования, не анализируются на примере детального разбора ключевых поэтических произведений Уитмена, являясь лишь аспектами, затрагиваемыми в связи с другими темами. Таким образом, полноценного исследования «американского» в творчестве Уитмена еще не проведено.

Основная часть

Америка — модель Нового Мира для Нового Человека

Наше исследование, не претендующее на всеохватность творчества Уитмена, сосредоточено на анализе двух знаковых поэм из сборника «Листья травы» (*Leaves of Grass*) — «Начиная с Поманока» (*Starting from Paumanok*, 1881) и «Песня о себе» (*Song of Myself*, 1881)¹. «Начиная с Поманока» и «Песня о себе», не случайно идущие в анализируемом нами последнем издании «Листьев травы» 1891–1892 годов друг за другом, идейно связаны, что замечает и Г.-У. Аллен, указывая на то, что в этих поэмах наиболее явно выражены мировоззренческие установки поэта [Allen, 1975, pp. 96–119].

Уитмен, строя сложный и многослойный образ Америки, выделяет определяющие ее пять измерений, которые появляются во II главе «Начиная с Поманока»: *victory, union, faith, identity, time*:

Victory, union, faith, identity, time,
The indissoluble compacts, riches, mystery,
Eternal progress, the kosmos, and the modern reports.

This then is life,
Here is what has come to the surface after so many throes
and convulsions

(*Starting from Paumanok*, II²) [Whitman, 2011, p. 176].

Америка, словно живой организм, возникшая в конвульсиях и путем многих жертв — кровопролитных завоевательных войн и войн за независимость, предстает страной-победительницей, идущей впереди всех остальных стран, вечно развивающейся (“eternal progress”); страной, где все люди объединены нерушимыми соглашениями (“indissoluble compacts”), неписаными и писаными (конституцией); страной единой веры в прогресс и в американца, движущего страну вперед; страной, для жителей которой насущной является проблема национальной идентичности; страной, существующей, словно в мифе, вне времени. Америка, бескрайняя и охватывающая собой все, также сравнивается автором с космосом (“the kosmos”). Кроме того, Америка для Уитмена — страна-загадка (“mystery”), возникшая, казалось бы, чудом; страна, полная богатств (“riches”), которые еще предстоит обнаружить.

Образ становящейся Америки, в реальность которой сложно поверить, приобретает божественные черты:

How curious! how real!
Underfoot the divine soil, overhead the sun.

(*Starting from Paumanok*, II) [Whitman, 2011, p. 176].

¹ В нашем исследовании мы обращаемся к последним редакциям анализируемых поэм.

² Здесь и далее римской цифрой обозначается номер главы анализируемой поэмы.

Одну из центральных для своей поэзии идею вечного расширения, развития, во многом базирующуюся на достижениях естественных наук того периода, а также поддерживаемую Р.-У. Эмерсоном, Уитмен связывает с образом бескрайней Америки, огромной и еще до конца не освоенной территорией (“vast trackless spaces”). Она увеличивается, и по ней бесконечной рекой, будучи у Уитмена словно одной из природных стихий, разливаются бесчисленные “Americanos” (“countless masses debouch upon them [spaces]”) – стоящий выше всех остальных народ (“the foremost people”), приносящий с собой новую политику, новое искусство, новую религию, наилучшее мироустройство:

See, vast trackless spaces,
As in a dream they change, they swiftly fill,
Countless masses debouch upon them,
They are now cover'd with the foremost people, arts, institutions, known.
(*Starting from Paumanok*, II) [Whitman, 2011, p. 177].

Мотивы превосходства американцев и уникальности американской нации, тесно связанные с образом идеальной Америки, находят свое продолжение в XVII главе «Начиная с Поманок»:

...A world primal again, vistas of glory incessant and branching,
A new race dominating previous ones and grander far, with
new contests,
New politics, new literatures and religions, new inventions and arts.
(*Starting from Paumanok*, XVII) [Whitman, 2011, p. 187].

Американец, оказавшийся на новой земле, полон оптимизма, он жаждет славы и побед (“vistas of glory”), для описания которых поэт использует эпитет “incessant” и природную метафору “branching”, — побед нескончаемых и приумножающихся, вечно разрастающихся, словно ветви деревьев.

Уитмен восхваляет завоевателей и гордится своими предками, покорившими Америку, совершившими почти невозможное и отбившимися от бывшей метрополии, получив независимость:

Americanos! conquerors! marches humanitarian!
Foremost! century marches! Libertad! masses!
(*Starting from Paumanok*, III) [Whitman, 2011, p. 177].

Пришедшие в Америку люди, ставшие американцами, уже не остановятся, теперь они — полноправные хозяева этой бескрайней земли:

With firm and regular step they wend, they never stop,
Successions of men, Americanos, a hundred millions,
One generation playing its part and passing on,
Another generation playing its part and passing on in its turn...
(*Starting from Paumanok*, II) [Whitman, 2011, p. 177].

Эпитеты “firm” и “regular”, описывающие движение американцев, и повторы (“...One generation playing its part and passing on, / Another generation playing its part and passing on in its turn...”) множат американцев и усиливают их бесконечные силу, мощь, готовность идти вперед. Повторы указывают на цикличность времени в мифологической, идеальной Америке поэта, где все повторяется и идет по кругу. Уитмен, чье мировоззрение во многом было сформировано под влиянием философии трансценденталистов, вероятно, подобно Р. Эмерсону [Emerson, 1904], обращался к кругу как символу совершенства и гармонии.

Композиционно лирическое «я» в поэтике Уитмена нередко занимает вершинную позицию, поднимаясь над современной ему Америкой, смотря в будущее:

Still the present I raise aloft, still the future of
The States I harbinge glad and sublime...
(*Starting from Paumanok*, XVI) [Whitman, 2011, p. 186].

В этом отрывке мы видим образ поэта-провидца (“I harbinger”), безусловно, неотделимого от самого Уитмена, оптимистично настроенного, на что указывают эпитеты “glad” (‘счастливое’, ‘радостное’) и “sublime” (‘великое’, ‘совершенное’), описывающие будущее страны. Однако Уитмен понимает, что знакомая ему Америка не возникла из ниоткуда: он с любовью и благоговением обращается к аборигенам, населявшим страну задолго до прихода колонизаторов, подарившим его родине свои имена, которые поэт перечисляет в XVI главе «Начиная с Поманока»: “...And for the past I pronounce what the air holds of the red Aborigines” (*Starting from Paumanok*, XVI) [Whitman, 2011, p. 186].

Огромное число различных народов, проживающих на территории Америки (“the woolly-pates” — ‘темнокожие’, “the squaw” — ‘индианка’), по Уитмену, сделали американцев американцами, включающими в себя все эти народы, что можно увидеть в главе XVI «Песни о себе»: “I am... One of the Nation of many nations, the smallest the same and the largest the same...” (*Song of Myself*, XVI) [Whitman, 2011, p. 203]. Американец многоликий по природе, и нет ничего лучше этой многоликости: “I resist any thing better than my own diversity” (*Song of Myself*, XVI) [Ibid., p. 204]. В этой же главе заметно не только разнообразие народов, но и все возрастающее смешение рас в Америке (“the quadroon girl” — ‘на одну четвертую афроамериканка’, “the half-breed” — ‘человек смешанной расы’), что еще больше усложняет многоуровневый образ американца, созданный поэтом. К тому же американец, появившийся вроде бы совсем недавно, вбирает в себя многовековой опыт европейцев и, беря лучшее из него, строит свою цивилизацию: “...a novice beginning yet experient of myriads of seasons” (*Song of Myself*, XVI) [Ibid.].

Человек Америки, воздвигая новый мир, стремительно развивающуюся промышленную страну, мчится, словно поезд или, скорее, космический корабль, вперед, что мы видим в «Песне о себе»: “...speeding through space, speeding through heaven and the stars” (*Song of Myself*, XXXIII) [Whitman, 2011, p. 223]. В целом все творчество Уитмена — также и урбанистического поэта — проникнуто оптимизмом и доверием к жизни, верой в вечное движение вперед и в эволюцию. Идею прогресса, вечного усовершенствования продвигал в своих работах и Р. Эмерсон, однако, если Р. Эмерсон видит корень эволюции в Душе, для Уитмена она проистекает из единения духовного и материального (см.: [Allen, 1975, p. 351]).

В поэтическом мире Уитмена Америка движется вперед и вперед, она будто бы переживает Золотой век и уже достигла апогея своего развития:

There... will never be any more perfection than there is now,
Nor any more heaven or hell than there is now.

(*Song of Myself*, III) [Whitman, 2011, p. 190].

Двери идеальной Америки Уитмена открыты всем, и кажется, она готова впитать в себя весь мир, бесконечно расширяясь: “Pleas’d with the native and pleas’d with the foreign pleas’d with the new and old” (*Song of Myself*, XXXIII) [Whitman, 2011, p. 222].

Идея вечного расширения появляется и в XVII главе «Начиная с Поманока», где поэт обращается к античному топосу возникновения мира из хаоса: Америка зарождается словно из первозданного вихря, расширяясь и находясь в вечном движении вперед:

Expanding and swift, henceforth,
Elements, breeds, adjustments, turbulent, quick and audacious...

(*Starting from Paumanok*, XVII) [Whitman, 2011, pp. 186–187].

Опираясь на Америку реальную, поэт выходит на космический уровень, превращая ее в бытийную субстанцию, в бытие вообще для человека вообще. Часто границы между общим и конкретным в поэтике Уитмена становятся неразличимыми, и кажется, что весь мир — это Америка, и все люди — американцы; другой мир существует, но он не господствует. Бытие-Америка гармонично, синкретично, это бытие находится в вечном развитии и становлении, являя собой вечно эволюционирующий, наполненный нескончаемыми жизненными силами — витальностью — «космос»:

Urge and urge and urge,
Always the procreant urge of the world.

(*Song of Myself*, III) [Whitman, 2011, p. 190].

Только это развитие (и в этом заметно противоречие, определяющее образ Америки Уитмена), скорее, происходит по кругу, то есть его нельзя назвать полноценным развитием: время в этом бытии, как и в мифе, циклично, все снова и снова повторяется:

Out of the dimness opposite equals advance, always
substance and increase, always sex,
Always a knit of identity, always distinction, always a breed
of life.

(*Song of Myself*, III) [Whitman, 2011, p. 190].

Это и другие противоречия (Америка, достигшая максимальной точки развития — Америка развивающаяся, Америка, идущая по кругу — Америка прогрессирующая, движущаяся вперед) вписываются в рамки художественного замысла поэта, уравнивающего все возникающие оппозиции и создающего тем самым более сложный и наполненный образ Америки:

I find one side a balance and the antipodal side a balance,
Soft doctrine as steady help as stable doctrine...

(*Song of Myself*, XXII) [Whitman, 2011, p. 209].

В бытии, построенном Уитменом, все сосуществует, все взаимосвязано, оно представлено во всей его тотальности и в то же время неокончательно, как и сам творческий субъект: “I too am of one phase and of all phases” (*Song of Myself*, XXI) [Whitman, 2011, p. 208]. Такой космизм мироощущения Уитмена хорошо описывают следующие слова М. М. Бахтина: «...Неготовое и открытое тело это... не отделено от мира четкими границами: оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах (стихиях)» [Бахтин, 1965]. Именно такой предстает Америка как бытийная субстанция в произведениях Уитмена.

Образ бытия-Америки — центр космической модели, созданной поэтом, объединяет собой все основные образы, темы, проблемы и мотивы поэтики Уитмена, являясь сложным конструктом, загадкой загадок, разгадать которую, как и понять свое «я» до конца, невозможно.

At length let up again to feel the puzzle of puzzles,
And that we call Bein

(*Song of Myself*, XVI) [Whitman, 2011, p. 215].

Американец — гражданин Нового Мира

Высшей ценностью в поэтическом универсуме Уитмена является человек. После того как человек помещается в центр Вселенной, в ней уже, закономерно, нет места Богу. Божественное, как верно отмечает Аллен, воплощается теперь уже в человеке, в «венце творения» [Allen, 1970, p. 21].

I hear and behold God in every object, yet understand God not
in the least,
Nor do I understand who there can be more wonderful than
myself.

(*Song of Myself*, XLVIII) [Whitman, 2011, p. 244].

Думается, что на такое понимание сущности человека не могла не повлиять квакерская концепция «внутреннего света» (Inner Light), признававшая присутствие Бога, как говорил известный проповедник, друг отца Уитмена Элиа Хикс, «в каждом человеке и в каждой травинке» (цит. по: [Templin, 1970, p. 169]), а также концепция сверхдуши (Over-Soul) Р. Эмерсона — идея мировой души, Бога, разлитого в природе. Однако Уитмен не был по-настоящему пантеистом и мистиком и воспевал не слияние с Богом, не его поиск, а единение человека с другими людьми и со всем миром. Бескрайнее лирическое «я» видит себя в каждом человеке планеты: “In all people I see myself, none more and not one a barley-corn less” (*Song of Myself*, XX) [Whitman, 2011, p. 206].

Несмотря на то, что человек у Уитмена, с одной стороны, человек вообще как воплощение его родовых качеств, поэт в первую очередь пишет об американце. То же самое можно сказать и о лирическом «я» Уитмена: хотя оно максимально обобщено и выступает, по мнению И. Никитиной, как некое «сверхлицо», выражение подлинной сути человеческого бытия» [Никитина, 2012, с. 40], и существует вне времени и пространства (как в мифе), включая в себя все бытие: “One world is aware and by far the largest to me, and that is myself” (*Song of Myself*) [Whitman, 2011, p. 207], оно никогда не оторвано от Америки. Уолт Уитмен не просто человек вообще, он в первую очередь сын Манхэттена: “Walt Whitman, a kosmos, of Manhattan the son...” (*Song of Myself*) [Ibid., p. 210]. Неслучайно Уитмен рассматривает Манхэттен, или Манна-хату (“...Dweller in Mannahatta my city...” (*Starting from Paumanok*, I) [Ibid., p. 176], а также Поманок (а не Лонг-Айленд) местом своего рождения: именно на индейской почве выросла американская нация.

Онтологические проблемы, ставящиеся в поэзии Уитмена, универсальны и, кажется, знакомы каждому: “To be in any form, what is it? / (Round and round we go, all of us, and ever come back thither)” (*Song of Myself*, XVII) [Whitman, 2011, p. 215], “And what is reason? and what is love? and what is life?” (*Song of Myself*, XLII) [Ibid., p. 236], “What is a man anyhow?” (*Song of Myself*, XX) [Ibid., p. 206]. Этими вопросами задавались и американцы того времени, чувствующие себя гражданами нового становящегося мира и ощущающие нужду в самоопределении, в твердой почве под ногами, фундаменте: “...what am I? what are you?” (*Song of Myself*, XX) [Ibid.].

Уитмен помещает в центр своего творчества главную для него проблему: что это значит — быть американцем?

The friendly and flowing savage who is he?

Is he waiting for civilization, or past it and mastering it?

(*Song of Myself*, XXXVIII) [Whitman, 2011, p. 231].

В образе «дикаря» (“savage”) просвечивает двойственная природа американцев: они воспринимаются дикарями, истребившими индейцев, забравшими себе их земли; также американец может ощущать себя дикарем по сравнению с жителями цивилизованной Европы, из которой он перебрался в девственные земли Америки, вынужденный участвовать в войнах, чтобы выжить, и осваивать неизведанные земли, преодолевая фронт, границу между «цивилизацией» и «дикостью», заново организуя хозяйство и возводя города — начав, по сути, с чистого листа, строя Новый Мир.

С возникновением Америки людям была предоставлена еще одна попытка создать рай на земле, мир снова стал первозданным (“a world primal again” (*Starting from Paumanok*, XVII) [Whitman, 2011, p. 187]); однако долго этот рай нетронутым сохранить не удалось. Сквозь Америку идеальную и желаемую в поэзии Уитмена видна Америка реальная, земная с ее уродливым миропорядком, разрушающими человека войнами, лживыми законами, которые сковывают человека:

...Many sweating, ploughing, thrashing, and then the chaff for
payment receiving,

A few idly owning, and they the wheat continually claiming.

(*Song of Myself*, XLII) [Whitman, 2011, p. 235].

Самое страшное, что может произойти с человеком, по Уитмену, — это война, поскольку именно война истребляет, расчленяет священное — человеческое тело (что можно увидеть, например, в главе XXXVI «Песни о себе» — кульминации последствий военных действий).

Проблема будущего Америки

Уитмен, еще больше разочарованный после Гражданской войны 1861–1865 годов в политике и в современном ему обществе, в эссе «Демократические дали» (*Democratic Vistas*, 1871) пишет следующее: «...общество в этих штатах гнилое, покрытое язвами, незрелое, полное суеверий. <...> Во всех наших начинаниях либо отсутствует, либо сильно ослаблен или недоразвит самый важный элемент, хребет, который поддерживает любое государство или любого человека — нравственное сознание» (“...society, in these States, is canker’d, crude, superstitious, and rotten.

<...> In any vigor, the element of the moral conscience, the most important, the verteber to State or man, seems to me either entirely lacking, or seriously enfeebled or ungrown”) [Whitman, 1964, p. 369]. Несмотря на то что, как заключает поэт, «демократия нашего Нового Мира... обернулась почти полной неудачей» (“...our New World democracy... is, so far, an almost complete failure”) [Ibid., p. 370], он продолжал поддерживать принципы «американизма».

Находясь под влиянием идей просветителей, прежде всего Т. Джефферсона и Т. Пейна, яростно выступавших против феодализма, выражавших интересы народа, а также романтиков (в частности Р. Эмерсона, провозгласившего ценность человеческой личности своей концепцией «доверия к себе» (self-reliance), предполагавшей избранничество, уникальность каждого человека, веру в его способности), будущее Америки Уитмен видел в обычном американце, выражающем собственно американский дух.

Для того чтобы стать ближе к народу, лирическое «я» поэта перевоплощается в него, как Протей, и проживает жизнь каждого американца. Это можно увидеть, например, в главе XVI «Песни о себе»: лирическое «я» предстает в виде молодого и старика, матери и отца, мужчины и ребенка, северянина и южанина, янки и кентуккийца... Также в главе XXXIII лирическое «я» становится то шкипером, то измученным рабом, то раненым, то «раздавленным» (“mash’d”) пожарным, погребенным под обломками, то артиллеристом, участвующим в войне, то ведьмой, сожженной на костре: “And of these one and all I weave the song of myself” (*Song of Myself*, XV) [Whitman, 2011, p. 203].

Лирический герой Уитмена готов не только воплотиться в каждого американца, но и воспринять на себя все его грехи и страдания, становясь распятым Иисусом Христом:

That I could forget the mockers and insults!
That I could forget the trickling tears and the blows of the bludgeons and hammers!
That I could look with a separate look on my own crucifixion and bloody crowning.

(*Song of Myself*, XXXVIII) [Whitman, 2011, p. 231].

Идентифицируя лирического героя со всеми людьми Америки, Уитмен тем самым говорит о том, что каждый американец — Иисус, сострадательный, невинный, избранный, имеющий нелегкую судьбу и в то же время не прощающий унижения.

Больше всего простым американцам, идущим тернистым путем, поэт желает свободы. Ведомые мечтой о свободе, приплыли к берегам Америки пуритане, затем под лозунгом свободы проходила Война за независимость, развивалось аболиционистское движение, осваивался Запад. “Libertad! masses!” (*Starting from Paumanok*, III) [Whitman, 2011, p. 177] — слова, буквально грохочущие во всей поэзии Уитмена. В понимание свободы Уитменом заложены события американской реальности, однако она осознается им более глобально: свободен всякий человек, и отвечать он должен только перед Природой и Богом.

Общество свободных и равных друг другу людей, по Уитмену, — демократическое общество. Действительно, один из столпов, на которых зиждется мировоззрение поэта, — вера в демократию. С ней связан не только мотив свободы, но и мотив равенства — того, без чего человек, по мнению поэта, не может существовать: “I will accept nothing which all cannot have their counterpart of on the same terms” (*Song of myself*, XXIV) [Whitman, 2011, p. 211]. Равенство — во всех пониманиях: равенство мужчины и женщины, богатого и бедного, раба и свободного человека, белого и темнокожего, это и равенство в любви во всех ее проявлениях.

В конечном итоге Уитмен приходит к выводу, что человек может развиваться и быть по-настоящему свободным, только если он соединится с природой:

I am enamour'd of growing out-doors,
Of men that live among cattle or taste of the ocean or woods,
Of the builders and steerers of ships and the wielders of axes
and mauls, and the drivers of horses,
I can eat and sleep with them week in and week out

(*Song of Myself*, XIV) [Whitman, 2011, p. 200].

Единение с природой проповедовали и трансценденталисты. Однако Уитмен и Р. Эмерсон такое единение осознавали, безусловно, по-разному: в творчестве Р. Эмерсона мир, окружающий человека, терял объективность, превращаясь в «тень души» (см.: [Венедиктова, 1982, с. 34]), в то время как у Уитмена материальное и духовное равноправны, и одно зависит от другого.

По Уитмену, человек должен соединиться не только с природой, но и с другим человеком, и лирическое «я» поэта представлено прежде всего товарищем других людей, в чем заметно следование новозаветному учению о братстве всех людей:

And that all the men ever born are also my brothers, and the
women my sisters and lovers...

(*Song of Myself*, V) [Whitman, 2011, p. 194].

Как считает Т. Венедиктова, живя в условиях фронта, американец остро нуждался в товарище, энергичном, сильном человеке, способном на великие свершения [Венедиктова, 2003, с. 123]. Это единение (“adhesiveness” [Asselineau, 1999, p. 115], как называл его Уитмен) переходило у поэта, скорее, в любовь.

Именно любовь к другому объединяет, являясь фундаментом, на котором держится Новый Мир Уитмена, именно она открывает путь в глубины бытия, позволяя творческому субъекту познавать мир. Однако процесс познания у Уитмена чувственно-мистический, что мы видим, например, в V главе «Песни о себе», где, как замечает Т. Венедиктова, Уитмен использует метафору познания (в библейском понимании) как любовного единения [Венедиктова, 2003, с. 95]: возлюбленная лирического «я» материализуется из его души, и в их соединении рождается истина. Любовь, таким образом, становится в поэтике Уитмена гносеологическим фактором и придает жизни бытийственный, онтологический смысл: “And I know that... that a kelson of the creation is love...” (*Song of Myself*, V) [Whitman, 2011, p. 192].

Своей поэзией Уитмен проповедует не только единение людей – он диалектически сплавляет материальное и духовное, природное и социальное: “I am the poet of the Body and I am the poet of the Soul” (*Song of Myself*, XXI) [Whitman, 2011, p. 207], “I have said that the soul is not more than the body, / And I have said that the body is not more than the soul” (*Song of Myself*, XLVIII) [Ibid., p. 244]. Идея единства мира, человека с другими людьми, природой, Вселенной, космосом является доминантой творчества поэта. Только такой полноценный, сложный, обладающий индивидуальностью и слитный с другими людьми и множеством вещей человек (Уитмен называл это «общностью в обособленности») (“completeness in separatism”) [Whitman, 1964, p. 374] может быть гражданином Нового Мира, «великой идеальной нации будущего, нации единых тела и души» (“the great ideal nationality of the future, the nation of the body and the soul”) [Ibid., pp. 460–461].

Кто он — истинный американец?

Уитмен, новый Адам, поэт «границы», осваивающий «райский сад» Америки (“...I, chanter of Adamic songs, / Through the new garden the West, the great cities calling... deliriate” (*Ages and Ages Returning at Intervals*, 1867) [Whitman, 2011, p. 264], создает новую американскую литературу и участвует в творении новой американской реальности. Библейский образ Адама не появляется ни в «Песне о себе», ни в «Начиная с Поманока», однако он подразумевается: Уитмен, будучи поэтом-материалистом, использует прием каталогизации, или инвентаризации, позволяя лирическому субъекту заново назвать и тем самым воссоздать мир в его множественности и одновременно раздвинуть границы бытия, наполняя его Америку жизненными и реалистичными образами. Это можно увидеть, например, в главах XV, XVI, XXXIII, XXXVI, XLI, XLII «Песни о себе» и в главах XIV, XVI, XVIII «Начиная с Поманока».

Однако, безусловно, эта библейская аллюзия связана не только с лирическим «я» поэта: Адам — каждый американец, отстраивающий города,двигающий прогресс, идущий на Запад и осваивающий новую землю, сдвигающий фронт, и вместе с поэтом создающий Америку.

В приведенном выше отрывке мы видим одну из ключевых проблем поэзии Уитмена, повсеместно просвечивающую в его творчестве и связанную с «американским», — проблему

ощущения себя поэтом всей Америки. Так, например, в следующих строках лирическое «я» предстает ориентиром, ведущим американцев, поэт указывает им путь вперед, и одновременно его взгляд обращен назад, в историческое прошлое Америки, великой цивилизации:

With faces turn'd sideways or backward towards me to listen,
With eyes retrospective towards me

(*Starting from Paumanok*, II) [Whitman, 2011, p. 177].

Возможно, в Адаме, слагающем американский эпос, и кроется ответ на вопрос: кто же он — настоящий американец? «Из всех наций, существовавших когда-либо на Земле, пожалуй, только американцы обладают наиболее поэтической натурой. Соединенные Штаты сами по себе — по-настоящему величайшая из поэм» (“The Americans of all nations at any time upon the earth have probably the fullest poetical nature. The United States themselves are essentially the greatest poem”), — пишет Уитмен в предисловии к первому изданию «Листьев травы» [Whitman, 2011, p. 5]. Настоящий американец, по Уитмену, — человек, строящий Новый Мир, человек «особенный, имеющий связь с космосом, творческий, заряженный Бесконечностью» (“the rare, cosmical, artist-mind, lit with the Infinite”) [Whitman, 1964, p. 376], поэт со своим уникальным, не похожим ни на какой другой голосом, что мы и видим в «Листьях травы». Эта книга, написанная свободным, взросшим на древнем эпосе стихом, близким к прозе, но тем не менее мелодичным, имеющая естественный, свободный, раскованный, гибкий ритм, способный передать сложную природу Америки и американца, действительно является воплощением американского духа.

Резюмируя все, что было сказано выше о природе истинного американца, подчеркнем: американец в творчестве Уитмена — «бесконечно гордый, независимый... Он не признает ничего, кроме равенства в свободе» (“illimitably proud, independent... It is to accept nothing except what is equally free”) [The Uncollected Poetry and Prose of Walt Whitman, 1921, p. 63], это «огромный, здоровый, совершенный Человек» (“large, sane, perfect Human Being”) [Walt Whitman’s Workshop, 1964, p. 136], Человек.

Заключение

Тематика и проблематика «Начиная с Поманок» и «Песни о себе» Уитмена, а также мотивы и образы, в них появляющиеся и рассмотренные нами, связанные с «американским», лежащим в основе национального сознания американцев, пронизывают все произведения Уитмена, являясь неотъемлемой частью его поэзии. Поэту свойствен космоизм мироощущения: строя свой бесконечный, синкретичный, движущийся универсум, в его центр Уитмен помещает Америку.

В поэзии Уитмена сливаются образы Америки реальной и Америки идеальной, мифологической, надысторической, эпической, Америки-бытийной субстанции, и последняя в творчестве поэта доминирует. Поэтически осваивая Америку, Уитмен придает ей величественность и мощь, обращаясь к библейским мотивам создания нового мира и его названия, его познания с помощью любовного слияния с ним, братства людей, в нем живущих, к образу распятого Иисуса Христа.

Одна из центральных проблем, ставящихся в анализируемых поэмах, а также в поэтике Уитмена в целом, — ощущение себя американцем и ощущение себя поэтом. Образ американца так же, как и образ Америки, выходит на обобщенный уровень: американец предстает Человеком вообще, при этом он не теряет свои индивидуальные черты.

Образ американца, прогрессивно мыслящего гражданина Нового Мира, у Уитмена — многоликий, сложный, становящийся, незавершенный. Американцы в поэзии Уитмена представлены как лучшая и лидирующая нация, нация свободных людей, стремящихся к равенству, идущих вперед и добивающихся успеха, за ними — будущее Америки. Уитмен определил устойчивые качества национального характера американцев: это нация людей энергичных, независимых, гордых, изобретательных, творческих, поэтов, творящих новый свободный мир, мир, в котором все едино и слитно: люди, природа, космос, Вселенная.

Список источников

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1965. — URL : <https://www.booksite.ru/fulltext/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/index.htm> (дата обращения: 09.06.2023).
2. Венедиктова Т. Д. Поэзия Уолта Уитмена. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — 128 с.
3. Венедиктова Т. Д. Уолт Уитмен // История литературы США / под ред. Я. Н. Засурского. — М. : ИМЛИ РАН, 2003. — Т. 4. — С. 74–150.
4. Логинов А. Л. Концепт «American dream» в творчестве Уолта Уитмена : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. — Н. Новгород, 2013. — 198 с.
5. Мендельсон М. О. Уолт Уитмен. — М. : Худож. лит., 1954. — 255 с.
6. Никитина И. В. Мифопоэтика «Листьев травы» У. Уитмена : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. — Н. Новгород, 2012. — 238 с.
7. Allen G. W. A Reader's Guide to Walt Whitman. — NY : Farrar, Straus & Giroux, 1970. — 233 p.
8. Allen G. W. The New Walt Whitman Handbook. — NY : New York University Press, 1975. — 423 p.
9. Asselineau R. The Evolution of Walt Whitman. — Iowa : University of Iowa Press, 1999. — 392 p.
10. Chase R. V. Walt Whitman Reconsidered. — NY : William Sloane Associates, 1955. — 191 p.
11. Emerson R. W. The Complete Works of Ralph Waldo Emerson. — Cambridge : The Riverside Press, 1904. — Vol. 2. — 437 p.
12. Lewis R. W. B. The New Adam: Holmes and Whitman // The American Adam. — Chicago : The University Of Chicago Press, 1955. — Pp. 28–53.
13. Miller J. E. America's Epic // A Critical Guide to *Leaves of Grass*. — Chicago : University of Chicago Press, 1966. — Pp. 256–261.
14. Templin L. The Quaker Influence on Walt Whitman // American Literature. — 1970. — № 2. — Pp. 165–180.
15. The Uncollected Poetry and Prose of Walt Whitman: Much of Which Has Been but Recently Discovered / ed. by E. Holloway. — Garden City ; NY ; Toronto : Doubleday, Page & Company, 1921. — Vol. 2. — 351 p.
16. Walt Whitman's Workshop: A Collection of Unpublished Manuscripts / ed. by C. J. Furness. — NY : Russell & Russell, 1964. — 265 p.
17. Whitman W. Prose Works 1892 / ed. by F. Stovall. — NY : New York University Press, 1964. — 803 p.
18. Whitman W. Leaves of Grass. — NY : Library of America, 2011. — 757 p.

References

1. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovyya i Renessans* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 1965. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/index.htm> (accessed: 09.06.2023). (In Russian).
2. Venediktova T. D. *Poeziya Uolta Uitmena*. [Poetry of Walt Whitman]. Moscow, Moscow State University Publ., 1982, 128 p. (In Russian).
3. Venediktova T. D. Walt Whitman. *Istoriya literatury SShA* [History of US Literature]. Ed. by Ya. N. Zasursky]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2003, vol. 4, pp. 74–150. (In Russian).
4. Loginov A. L. *Kontsept "American dream" v tvorchestve Uolta Uitmena* [The concept of "The American dream" in the works of Walt Whitman]. Dissertation of candidate of philology, 10.01.03. Nizhny Novgorod, 2013, 198 p. (In Russian).
5. Mendelsohn M. O. *Uolt Uitmen* [Walt Whitman]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1954, 255 p. (In Russian).
6. Nikitina I. V. *Mifopoetika "Listyev travy" U. Uitmena* [Mythopoetics of "Leaves of Grass" by W. Whitman]. Dissertation of candidate of philology, 10.01.03. Nizhny Novgorod, 2012, 238 p. (In Russian).
7. Allen G. W. *A Reader's Guide to Walt Whitman*. NY, Farrar, Straus & Giroux, 1970, 233 p.
8. Allen G. W. *The New Walt Whitman Handbook*. NY, New York University Press, 1975, 423 p.
9. Asselineau R. *The Evolution of Walt Whitman*. Iowa, University of Iowa Press, 1999, 392 p.
10. Chase R. V. *Walt Whitman Reconsidered*. NY, William Sloane Associates, 1955, 191 p.
11. Emerson R. W. *The Complete Works of Ralph Waldo Emerson*. Cambridge, The Riverside Press, 1904, vol. 2, 437 p.

12. Lewis R. W. B. The New Adam: Holmes and Whitman. *The American Adam*. Chicago, The University Of Chicago Press, 1955, pp. 28–53.
13. Miller J. E. *America's Epic. A Critical Guide to Leaves of Grass*. Chicago, University of Chicago Press, 1966, pp. 256–261.
14. Templin L. The Quaker Influence on Walt Whitman. *American Literature*. 1970, iss. 2, pp. 165–180.
15. *The Uncollected Poetry and Prose of Walt Whitman: Much of Which Has Been but Recently Discovered*. Ed. by E. Holloway. Garden City, NY, Toronto, Doubleday, Page & Company, 1921, vol. 2, 351 p.
16. *Walt Whitman's Workshop: A Collection of Unpublished Manuscripts*. Ed. by C. J. Furness. NY, Russell & Russell, 1964, 265 p.
17. Whitman W. *Prose Works 1892*. Ed. by F. Stovall. NY, New York University Press, 1964, 803 p.
18. Whitman W. *Leaves of Grass*. NY, Library of America, 2011, 757 p.

Информация об авторе

Погадаева Евгения Владимировна — аспирант кафедры мировой литературы и культуры, преподаватель кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сфера научных интересов: художественный перевод, сравнительное литературоведение, англоязычная и испаноязычная поэзия XIX–XX веков.

Information about the author

Pogadaeva Evgeniia Vladimirovna — post-graduate student of the Department of World Literature and Culture, lecturer of the Department of Linguistics and Translation, Perm State National Research University.

Research interests: literary translation, comparative literature studies, English and Spanish poetry of the 19th–20th centuries.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; принята к публикации 02.11.2023.

The article was submitted 02.10.2023; accepted for publication 02.11.2023.